

Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России^{*}

Алина Майборода

Младший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 192171
E-mail: avmaiboroda@gmail.com

Анастасия Саблина

Приглашенный преподаватель, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 192171
E-mail: aasabrina@gmail.com

Искэндер Ясавеев

Старший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Адрес: ул. Седова, д. 55, корп. 2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 192171
E-mail: yasaveyev@gmail.com

В статье представлены результаты исследования дискурсов молодежной политики в Финляндии, Германии, Великобритании и России. Официальные тексты, определяющие молодежную политику: законы, государственные программы, стратегии молодежной политики, изучались на основе конструкционистской исследовательской программы, предполагающей выявление дискурсивных способов проблематизации и лейтмотивов. Анализ нормативных документов показал, что в дискурсе молодежных политик стран Европейского союза доминирует риторика наделения правом, а лейтмотивами являются права, равенство возможностей и доступа, независимость, взросление, устойчивое развитие общества, участие и гражданственность. Конечная цель молодежной политики и молодости как жизненного этапа определяется как обретение автономии и независимости. Дискурс российской молодежной политики отличает терминология риторики неразумности, а основными лейтмотивами являются традиционные ценности, воспитание и патриотизм. Основная цель молодежной политики в России — мобилизация молодежи в пользу государственного благополучия. Европейские молодежные политики с их акцентом на правах и возможностях ориентированы на развитие и поддержку молодых людей, тогда как российская молодежная политика является «государствоцентричной», ориентированной на развитие страны.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежь, власть, риторика, дискурс, конструкционизм, патриотизм, традиционализм

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-31412 «Антикризисный потенциал молодежных политик в России и Европе в эпоху глобальных рисков: национальное воображаемое, патриотизм и социальная вовлеченность», реализованного Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) под руководством Елены Омельченко.

Государственная молодежная политика представляет собой действия национальных правительств в отношении молодежи, выделяемой в качестве отдельной возрастной группы: создание условий для развития, предоставление возможностей, поддержка и защита. Исследования молодежной политики с социологической точки зрения сосредоточиваются не только на действиях, но и на смыслах, создаваемых в отношении молодежи. Эти смыслы репрезентируют определенные ценности, и их изучение позволяет судить об отношении к молодежи со стороны правительства и о ее типизации в тех или иных обществах. Такие смысловые конструкции представлены в текстах законодательных актов, правительственный стратегий, государственных программ и проектов.

В нашей работе мы сфокусировались на дискурсах молодежной политики в Финляндии, Германии, Великобритании и России, выделяя сходства и различия в создаваемых смыслах в отношении молодежи, в конструируемых образах страны в настоящем и будущем, понимании патриотизма и включенности молодежи в общество. Перечисленные страны были выбраны как представляющие различные части Европы с разными историческими и современными практиками отношения к молодежи и взаимодействия с ней.

Исследование осуществлялось в рамках конструкционистского подхода к социальным проблемам в его строгой версии, предполагающей сосредоточенность исключительно на дискурсе. Этот выбор определялся тем, что молодежная политика предполагает проблематизацию тех или иных явлений, связанных с молодежью, а также неявную депроблематизацию других феноменов посредством их исключения из сферы молодежной политики. Кроме того, дискурс социальных проблем понимается в последних версиях конструкционизма широко — как включающий в себя не только традиционные публичные конструкты социальных проблем, для решения которых необходимы изменения, но и повседневную коммуникацию о происходящем, не содержащую явно выраженных требований изменения (Miller, 2003).

В ходе исследования мы опирались на конструкционистскую исследовательскую программу П. Ибарры и Дж. Китсюза, высвечивающую четыре измерения дискурса социальных проблем: 1) риторические идиомы — дискурсивные способы проблематизации; 2) лейтмотивы — повторяющиеся тематические элементы, в сжатой форме выражающие главный аспект социальной проблемы; 3) контраторические стратегии — способы депроблематизации, посредством которых нейтрализуются попытки придать тому или иному условию-категории статус проблемы; 4) стили конструирования проблем (Ибарра, Китсюз, 2007). В рамках нашей работы мы сосредоточились на первых двух измерениях: риторических идиомах и лейтмотивах.

Ибарра и Китсюз выделяют пять риторических идиом, используемых в ходе проблематизации: риторику утраты, риторику наделения правом, риторику опасности, риторику неразумности и риторику бедствия. *Риторика наделения правом* акцентирует значение обеспечения всех равными правами и возможностями. Она

выражает настроения эгалитаризма и используется для проблематизации тех или иных форм дискриминации. Словарь этой риторики состоит из терминов: «нетерпимость», «угнетение», «сексизм», «расизм», «эйджизм», «жизненный стиль», «различия», «выбор», «терпимость», «предоставление возможностей», «мультикультурный» и др. Основная идея в данном случае заключается в том, что чем шире принципы терпимости, справедливости, равноправия, уважения человеческого достоинства распространены в обществе, тем выгоднее всем его членам (Там же: 77–78). *Риторика опасности* применяется к условиям-категориям, которые представляются как угроза безопасности людей. Словарь этой идиомы включает в себя термины «болезнь», «патология», «эпидемия», «риск», «заражение», «угроза здоровью», «профилактика» (Там же: 79–80). *Риторика неразумности* с ее ключевыми терминами: «наивность», «доверчивость», «необразованность», «уязвимость», «легкая добыча» обычно используется для проблематизации эксплуатации, манипулирования, «промывания мозгов» (Там же: 80–82). Типичным речевым ресурсом, используемым при артикуляции этой идиомы, является обеспокоенность за детей (Там же: 81). Для *риторики утраты* основные термины — «красота», «природа», «наследие», «культура», «загрязнение», «упадок», «защита». Участники, использующие эту риторическую идиому, принимают образ «хранителей или защитников некоторого уникального или священного предмета или качества», который или которое оказывается под угрозой. В риторике утраты часто делаются ссылки на ответственность перед будущими поколениями (Там же: 74–75). Наконец, *риторика бедствия* состоит из метафор и практик аргументации, актуализирующих образ полной катастрофы. Участники, выдвигающие требования с использованием данной идиомы, могут представлять «свою» проблему как мегапроблему, основополагающую по отношению к целому ряду других: проблема А порождает проблемы Б, С, Д (Там же: 82–83).

Обращение ко второму измерению дискурса социальных проблем — выявление логики использования лейтмотивов — позволяет понять, согласно Ибарре и Китсьюзу, символический подтекст этого дискурса и действия участников проблематизации и депроблематизации (Там же: 96). К лейтмотивам молодежной политики мы относили регулярно встречающиеся конструкции, имеющие центральное смысловое значение.

Наше исследование следует традиции критического анализа государственных молодежных политик. В рамках этой традиции Е. Омельченко подчеркивает связь дискурсивных практик российской молодежной политики с образцами воспитания советского времени, обращая внимание на продолжающуюся объективацию и унификацию молодежи как группы, которая нуждается в контроле, регулировании и моральном исправлении (Омельченко, 2012). В. Ярская и Н. Ловцова указывают, что все российские государственные молодежные программы, концепции и проекты «составляются и утверждаются по отношению к молодежи как гомогенной массе, не имеющей социальных, культурных и физических различий» (Ярская, Ловцова, 2010: 156), а также отмечают влияние на форму и содер-

жение современной молодежной политики унаследованного с советских времен принципа патернализма. По их мнению, переход от понимания молодежи как объекта к пониманию ее как субъекта молодежной политики мотивировал бы молодых людей к самореализации в институтах гражданского общества. Е. Андрюшина и Е. Панова указывают, что основная парадигма современной молодежной политики в России связана с позицией нынешнего главы государства (Владимира Путина), согласно которой единственной возможной идеологией современных россиян может быть патриотизм. Исследователи обращают внимание на перекос принципов осуществления российской молодежной политики в сторону гражданского и патриотического воспитания и утверждают, что одной из характеристик постсоветского этапа государственной молодежной политики является отношение к молодежи как к стратегическому ресурсу государства (Андрюшина, Панова, 2017). В. А. Смирнов выделяет четыре типа молодежной политики. Если молодежная политика ориентируется на проблемы самой молодежи, она является молодежной социальной политикой, а в случае ориентации на молодежь как проблему формируется молодежная политика социального контроля. Третий тип — мобилизационная молодежная политика, при которой молодежь рассматривается как ресурс реализации политических решений, программ и проектов, а четвертый — молодежная воспитательная политика, основанная на понимании молодежи как стратегической ценности (Смирнов, 2014: 78–79). На наш взгляд, продуктивным может быть применение этой аналитической схемы к молодежным политикам в различных странах.

И. Ясавеев исследовал риторику российских властей в отношении молодежи, используя конструкционистский подход и выделяя лейтмотивы традиционных ценностей и патриотизма. Эти лейтмотивы присутствуют во властной риторике о молодежи, однако если конструкция традиционных ценностей не наполняется конкретным содержанием (не уточняется, какие ценности являются истинными и традиционными), то патриотизм отчетливо милитаризуется (Ясавеев, 2016). Однако его работа фокусировалась на риторике Кремля и не включала в себя сравнение с европейскими дискурсами молодежной политики.

К. Уоллес и Р. Бендит считают, что одним из факторов, отличающих молодежные политики в различных частях Европы, является степень, в которой молодые люди рассматриваются как *проблема* или как *ресурс*. В последнем случае молодежь может представляться как ресурс для самой молодежи или для общества в целом. Исследователи разработали типологию европейских молодежных политик, включающую смешанные типы (режимы), в которых существуют эти подходы (Wallace, Bendit, 2009). А. Мур и Ф. Прескотт критикуют концепт транзиции во взрослость, ключевой для молодежной политики Великобритании и других европейских стран, поскольку он «продолжает увековечивать и натурализовать символический порядок между взрослыми и молодыми людьми» (Moore, Prescott, 2012: 191). К. Брунила с коллегами, в свою очередь, подвергают критике понятие уязвимости, используемое в рамках европейских молодежных политик для выделения

определенных категорий молодых людей. Статус уязвимости, как утверждают исследователи, может сдвигать социетальные проблемы к индивидуальным и представлять молодых людей как ответственных за их обстоятельства и проблемы: «Несмотря на благие намерения, это — это механизм, подчеркивающий личную ответственность и стигматизацию» (Brunila et al., 2016: 77).

В настоящей работе представлен конструкционистский анализ дискурсов молодежной политики в Финляндии, Германии, Великобритании и России: законов, государственных программ, проектов и стратегий молодежной политики (в общей сложности проанализирован 21 программный документ), действующих в настоящее время или действовавших в течение последнего десятилетия — в 2010-е годы. В ходе анализа выявлялись и сопоставлялись риторические идиомы, лейтмотивы и объекты проблематизации (предметы превентивных мер), а также конструкции целей и задач молодежных политик, «успешной» транзиции молодежи во взрослость, национального воображаемого (образа страны в будущем).

Дискурс молодежной политики Финляндии: эгалитаризм, устойчивое развитие и независимость молодежи

Нормативные документы молодежной политики Финляндии, разрабатываемые Молодежным отделом Министерства образования и культуры, представляют собой тематические направления; большая часть молодежной работы проводится на уровне муниципалитетов, а непосредственной работой с молодежью благодаря конкретным тематическим программам занимаются молодежные НКО, объединяемые координирующей некоммерческой организацией Allianssi.

В Финляндии возрастные границы молодежи как социальной группы выстраиваются следующим образом — молодежью считаются все до 29 лет включительно, при этом в качестве «ключевой» группы принят возраст от 13 до 25 лет, молодежь, включенная в систему образования, а также выходящая на рынок труда. Фактически единственным, что объединяет молодежь в одну группу, является общий опыт транзиции во взрослость, который определяется молодежной политикой в качестве основной цели — помочь молодежи совершить транзицию, обеспечить ей поддержку и необходимые сервисы со стороны государства. Молодежь конструируется как группа, которая объединена опытом взросления, в рамках которого молодежь выстраивает индивидуальные стратегии транзиции. Однако именно опыт взросления может создавать «контексты уязвимости» в процессе сепарации от родительской семьи, от завершения образования к выходу на рынок труда: «Однако дети и молодые люди надеются, что их будут рассматривать как личности. В частности, молодые люди все чаще испытывают трудности в решении вопросов, касающихся их» (Child and Youth Policy Programme, 2012–2015: 11). Таким образом, одной из целей становится нивелирование различий в стартовых жизненных позициях и возможностях молодежи, которые непосредственно влияют на (не)успешность транзиции во взрослость — в Финляндии распространены посо-

бия для молодежи, которая не может самостоятельно оплачивать съемное жилье, стажировки в компаниях также оплачиваются за счет государственных субсидий.

Youth Act является основным нормативным документом молодежной политики, который определяет основные направления политики на текущее десятилетие, последняя версия данного документа, выпущенная в 2017 году, обозначает в качестве основных задач молодежной политики Финляндии увеличение влияния молодежи в обществе, интеграцию во «взрослое» общество через развитие навыков управления повседневной жизнью (*everyday life management*) и взросление:

Содействовать социальной интеграции молодых людей и [их] возможности оказывать влияние; улучшить навыки и способности [молодежи] функционировать в обществе; поддерживать их рост, независимость и чувство общности и способствовать приобретению знаний, освоению навыков и занятиям в свободное время хобби и деятельностью в гражданском обществе; а также способствовать недискриминации и реализации гражданских прав при улучшении роста и условий жизни молодых людей. (Youth Act 2017–2027, 2017: 1)

В качестве основных ценностей, на которых базируется молодежная политика, отмечаются следующие: солидарность, культурное разнообразие и интернациональность; устойчивое развитие, здоровый образ жизни, уважение к жизни и окружающей среде, что соответствует описываемой Ибаррой и Китсюзом риторике *наделения правом*.

Национальное воображаемое (желаемый образ страны) Финляндии состоит из двух перспектив: первая — это построение эгалитарного общества, вторая — концепция устойчивого развития. Вопросы неравных стартовых позиций и жизненных возможностей молодежи — главные темы молодежной политики, основной фокус политики — в предоставлении равного доступа к государственным сервисам и услугам всем молодым гражданам. Национальное воображаемое в таком случае — это демократическое и эгалитарное общество с большим вниманием к правам человека, что соответствует североевропейской модели государства всеобщего благосостояния (*Nordic welfare-state model*). Основные ценности финской модели государства всеобщего благосостояния — это социальные гарантии, которые государство обязуется предоставлять всем своим гражданам и резидентам. Более того, молодежная политика экстраполирует финскую социальную модель на модель Европейского союза, в частности, национальное воображаемое Евросоюза представлено следующим образом:

Европа несет коллективную ответственность за своих людей. В Европейском союзе будет реализована социальная гарантия, обеспечивающая всем гражданам достаточный доход, дом, возможности трудоустройства и обра-

зования. Благополучие будет гарантом социальной стабильности. (Finland Prime Minister's Office, 2013: 12)

Концепция устойчивого развития фокусируется на достижении социальной и культурной устойчивости через преодоление межпоколенческой бедности и социальной исключенности. Ключевыми ценностями устойчивого развития Финляндии выступают преодоление исключенности и увеличение влияния молодежи как в повседневной жизни (в области образования и труда), так и в жизни общества, отказ от дискриминации, экологическая осведомленность. Таким образом, концепция устойчивого развития описывает не только национальное будущее, но и миссию Финляндии как участника Евросоюза, ведь именно Финляндия определяет себя в качестве основного актора среди европейских участников в области построения «общей ответственной европейской экономики» («shared, responsible European economy») на основании финской модели.

Патриотизм в нормативном дискурсе документов молодежной политики Финляндии как концепция не заявлен, более того, современная молодежь Финляндии осмысливается как молодежь в большей степени европейская: «Спустя 18 лет после референдума о членстве Финляндии в ЕС мы можем с полным правом называть молодежь „поколением Е“. Мы европейцы в другой мере, нежели наши родители, бабушки и дедушки» (Finland Prime Minister's Office, 2013: 9). Европейская идентичность современной молодежи также не проблематизируется в документах молодежной политики, наоборот, современная молодежь Финляндии определяется как первое поколение, которое активно принимает ценности Евросоюза: важность прав человека, ориентацию на устойчивое развитие, экологичность и участие. Термин, который может быть отнесен к пониманию патриотизма, который используется в нормативных документах молодежной политики Финляндии, — это «принадлежность» («belonging»). Принадлежность осмысливается в категориях поддержки европейских ценностей и активного участия в первую очередь в учебе и/или работе: «участие и возможность быть услышанными позволили молодым людям больше узнать о принадлежности к обществу и включении в него» (National Youth Work and Youth Policy Programme, 2017: 15).

Участие является одной из ключевых концепций молодежной политики Финляндии последних двадцати лет, вокруг которой выстраивается как управление повседневной жизнью молодежи, так и молодежная гражданственность. В частности, в предыдущей версии Youth Act участие определялось в качестве основы для «продвижения активной гражданской позиции и расширения социальных прав среди молодых людей, а также их роста и улучшения жизненных условий» (Youth Act 2006–2016, 2006: 11). Важно отметить, что участие не концептуализируется в логике «воспитания» или научения конкретным моделям. Участие в первую очередь концептуализируется через повседневное измерение — посредством вовлечения детей и молодежи в образование, рынок труда, досуг:

Дети и молодые люди могут испытывать чувство участия и социальной интеграции в своих сообществах и финском обществе, когда ходят в школу, учатся, работают, занимаются хобби и оказывают влияние на свои собственные дела, а также на свое ближайшее окружение или общество в большем масштабе. (Child and Youth Policy Programme, 2012–2015: 8)

Именно наличие хобби и включение в досуговую деятельность определяются в качестве базиса развития участия и гражданственности молодежи в нормативных документах молодежной политики последних десяти лет — хобби представляются как возможность развивать персональные и социальные навыки, учиться гражданственности и участию на локальном уровне, увеличивать влияние детей и молодежи в обществе:

Хобби обеспечивают значимое участие, вовлеченность и социальные отношения, а также дают возможность экспериментировать и развивать собственные навыки. В лучшем случае они укрепляют у детей и молодых людей чувство собственного достоинства и уверенность в своих силах, а также уменьшают чувство одиночества. (National Youth Work and Youth Policy Programme, 2017: 9)

Для развития навыков участия и гражданственности при каждом образовательном учреждении, от младшей школы до университетов, создан отдельный формат молодежного совета (Youth Council), который дает возможность всем учащимся обсуждать и принимать решения о течении образовательного процесса, досуге и других образовательных моментах.

Гражданственность в нормативных документах Финляндии не осмысливается в границах страны или даже Евросоюза, она определяется в категориях «глобального» гражданства, а именно через социальную и гражданскую активность, ответственное потребление, экологическую ответственность, защиту прав человека (Child and Youth Policy Programme, 2012–2015: 17). Более того, гражданственность напрямую связана в нормативных документах с концепцией ответственности — не только ответственности молодежи за свою повседневную жизнь, но и за развитие ответственной экономики, продвижение осознанного потребления.

Однако есть и темы, которые проблематизируются в нормативном дискурсе молодежной политики Финляндии. В частности, NEET-молодежь (NEET — not in employment, education or training), которая оказывается вне рынка образования и труда, не завершив текущую образовательную ступень или оказавшись без предложений работы. В настоящее время публично обсуждается законодательное предложение о продлении обязательного образования на два года до 18–19 лет, чтобы молодежь дольше оставалась в системе образования, поскольку часть сервисов и услуг молодежной работы обеспечивается именно в образовательных учрежде-

ниях. Для каждого индивида реализуются несколько предложений для включения на рынок образования или труда в зависимости от индивидуальной позиции:

Каждому человеку моложе 25 лет и каждому недавнему выпускнику младше 30 лет будут предложены работа, стажировка или учеба, воркшоп или реабилитация на рынке труда в течение трех месяцев после потери работы. (National Youth Work and Youth Policy Programme, 2017: 10)

Программы молодежной политики предполагают, что выход из системы образования может сопровождаться не только более низкими шансами на рынке труда, но и недостатком навыков управления жизнью и социальным исключением. Другими фокусами проблематизации могут быть расизм, сексизм, гомофобия и иные измерения исключения и дискриминации, поскольку «ключевыми принципами в молодежной работе являются общность, недискриминация, взаимное уважение и равенство, а также местная, региональная и глобальная солидарность» (National Youth Work and Youth Policy Programme, 2017: 7).

Таким образом, в нормативных документах молодежной политики Финляндии доминирует риторика наделения правом. Основными лейтмотивами оказываются *равные возможности и равный доступ*. Эгалитаризм в качестве ключевой концепции объединяет как образ национального воображаемого (эгалитарное демократическое общество), так и текущие фокусы молодежной политики: представление равного доступа к молодежным сервисам и услугам всем группам молодежи, нивелирование неравенства в стартовых позициях и возможностях молодежи. Другим лейтмотивом выступает *устойчивое развитие* финского общества, в рамках которого молодежь в процессе транзиции получает необходимые навыки и умения для гражданского, социального и политического участия, развития активной гражданственности, ответственности и осознанного потребления, интегрируясь таким образом во «взрослое» общество. Лейтмотивом является также *независимость* молодежи, поскольку именно независимость и самостоятельность определяются в качестве цели транзиции во взрослость.

Дискурс молодежной политики Германии: права, возможности и независимость

Основные положения молодежной политики в Германии сформулированы в Федеральном законе «О детях и молодежи» (Восьмая книга Кодекса социального обеспечения Германии), принятом в 1990 году (SGB, 1990), Молодежных стратегиях 2015–2018 годов (BMFSFJ, 2015) и действующей с 2019 года (BMFSFJ, 2019), — а также представлены в официальном обзоре молодежной политики в Германии для Евросоюза (Council of Europe, 2015) и разделе «Дети и молодежь» на сайте Федерального министерства по делам семьи, граждан старшего возраста, женщин и молодежи Германии (BMFSFJ, 2020). Именно это ведомство, структурным подразделением

которого является Департамент молодежи, отвечает за молодежную политику в Германии. Однако эта политика Германии не является централизованной, в 16 федеральных землях существуют свои министерства молодежи и семьи, и ежегодно проводится конференция этих министров. Ключевой уровень молодежной политики — муниципальный: в каждом муниципалитете действует свой Jugendamt (офис по делам молодежи).

К молодежи в Германии относят граждан в возрасте от 12 до 27 лет, включая мигрантов, имеющих законное право на проживание в стране (SGB, 1990). Молодость понимается как «очень созидательная фаза жизни со специфическими вызовами» (BMFSFJ, 2020), «независимая стадия жизни» (BMFSFJ, 2015). При этом подчеркивается, что такого общего явления, как молодежь, не существует, а есть «огромное разнообразие в жизненных ситуациях людей в возрасте от 12 до 27 лет» (BMFSFJ, 2019).

Общая цель молодежной политики в Германии сформулирована следующим образом: «Федеральное правительство нацелено на вовлечение молодого поколения в решения, которые влияют на него, и предложение молодым людям наилучших возможных условий для того, чтобы справиться с вызовами этой специфической жизненной фазы» (BMFSFJ, 2020). В официальных документах отмечается также, что Федеральное министерство стремится к «созданию пространства, дружественного по отношению к молодежи» (BMFSFJ, 2015).

«Возможности» — одно из ключевых понятий в дискурсе немецкой молодежной политики, чьи центральные положения сформулированы Федеральным министерством следующим образом:

Дети, подростки и молодые взрослые имеют право на хорошие детство и молодость. С самого начала им должны быть предоставлены одни и те же возможности независимо от их происхождения, гендера, религии или социального статуса их родителей. (BMFSFJ, 2020)

Всем детям и молодым людям должна быть предоставлена возможность развития и превращения в уверенных независимых индивидов. Это предполагает обеспечение того, чтобы дети и молодые люди знали свои права, чтобы они были включены в процесс выработки политики и чтобы их интересы учитывались в этом процессе. (BMFSFJ, 2020)

Министерство стремится к тому, чтобы учитывать потребности всех детей и молодых людей — как с инвалидностью, так и без нее. (BMFSFJ, 2020)

Другая ключевая идея политики в Германии — вовлечение молодежи в принятие решений, касающихся ее: «Дети и молодые люди должны участвовать во всех общественных решениях, касающихся благополучия молодежи, которые влияют на них, в соответствии с их уровнем развития» (SGB, 1990).

Официальные тексты включают в себя видение желаемого образа страны (*национальное воображаемое*). Федеральное министерство формулирует этот образ как «ненасильственное, демократическое и плюралистическое общество» (BMFSFJ, 2020) и организует работу по преподаванию соответствующих ценностей школьникам специальными тренерами. В официальном самообзоре молодежной политики в Германии этот образ представлен как «открытое плюралистическое общество во все более сложном мире» (Council of Europe, 2015).

Риторика молодежной политики Германии предполагает включенность страны в мировое сообщество. В частности, Федеральное министерство указывает, что оно стремится «предоставить молодым людям возможность познать другие страны и культуры посредством опыта пребывания в них — для того, чтобы знать друг друга, и с целью развенчивания (демонтажа) предрассудков» (BMFSFJ, 2020). Стратегическая цель при этом включает в себя совместное построение Европы: «Пересечение национальных границ открывает для молодых людей новые возможности для опыта и развития. Всем молодым людям нужны возможности для того, чтобы заниматься международным развитием и активно формировать Европу» (BMFSFJ, 2019). Термин «патриотизм» в дискурсе молодежной политики Германии отсутствует.

Дискурс молодежной политики Германии, так же как и Финляндии, соответствует риторической идиоме наделения правом. Права детей и молодежи — центральное понятие немецкой молодежной политики. Именно в таком риторическом формате сформулировано первое положение первой главы Федерального закона «О детях и молодежи»: «Каждый молодой человек имеет право на поддержку своего развития и на образование, чтобы стать независимым и социально компетентным человеком» (SGB, 1990). Риторика наделения правом занимает центральное место во всех официальных текстах немецкой молодежной политики:

Центральным столпом реформы политики в отношении детей и молодежи является улучшение их прав. (BMFSFJ, 2020)

Каждый ребенок в Германии должен знать свои права. Не менее важно, чтобы знания о правах детей были распространены среди взрослых: родителей, опекунов, политиков, сотрудников административных служб и судов. (BMFSFJ, 2020)

В дискурсе встречаются также элементы риторики опасности. Одна из основных задач молодежной политики формулируется как «защита детей и молодых людей от опасностей, угрожающих их благополучию» (SGB, 1990). Но эта риторика формулируется в терминах не внешней защиты пассивной, уязвимой молодежи как объекта, а предоставления молодым людям возможности защищать себя самим, действовать осознанно и ответственно:

Предоставить молодым людям возможность защищать себя от опасного влияния и научить их критиковать, принимать решения и брать на себя ответственность за себя, а также за близких людей. (SGB, 1990)

Именно в этом формате *проблематизируется* ряд явлений, описываемых в качестве предмета превентивных мер: радикализация, исламский экстремизм, кибербуллинг, сексуальные насилие и эксплуатация, преступность, наркозависимость, насилие и пренебрежение: «правительство стремится к тому, чтобы все девочки и мальчики росли избавленными от пренебрежения и насилия» (BMFSFJ, 2020).

Лейтмотивами молодежной политики в Германии выступают возможности, права и независимость (в значении «самоопределяемая, независимая жизнь»). Один из принципов государства при решении задач молодежной политики сформулирован следующим образом: «учитывать растущую способность и растущую потребность ребенка или молодого человека действовать независимо и ответственно». (SGB, 1990)

Дискурс молодежной политики Великобритании: партнерские отношения, равный доступ и предоставление возможностей для самовыражения

В Великобритании нет отдельного министерства, отвечающего за молодежную политику, а полномочия по работе с молодежью, как правило, разделены между несколькими департаментами стран Соединенного Королевства. К примеру, Департамент образования вырабатывает нормативные документы, регламентирующие образовательные стандарты для школ, а также разрабатывает руководства для местных властей, направленные на улучшение жизни молодежи (SGLASAIYPW, 2012). Департамент здравоохранения публикует документы, направленные на работу с ментальным и физическим здоровьем молодежи. Департамент цифровых технологий, культуры, медиа и спорта отвечает за включение молодежи в различные внешкольные активности. Видное участие в разработке молодежной политики и работе с молодежью в целом принимают различные НКО и «зонтичные» организации, в том числе National Youth Agency, Youth Council и другие.

Локальная специфика Великобритании заключается в том, что каждая страна, входящая в состав Соединенного Королевства, разрабатывает свои собственные рекомендации и документы по молодежной политике. Единственный нормативный документ, который может считаться общим для Великобритании, опубликован в 2011 году и призван «объединить всю межгосударственную политику правительства в отношении этой возрастной группы, представляя собой единый взгляд [на молодежную политику] вокруг интересов как минимум девяти департаментов» (Positive for Youth: executive summary, 2012). Несмотря на то что этот документ

был принят к действию в Англии, он также направлен на работу со многими НКО и другими организациями, действующими на территории всей Великобритании.

В программных документах Великобритании довольно четко определяется субъект молодежной политики (*action group*) — молодежь. Возрастные рамки сильно варьируются в зависимости от страны или специфики документа. Так, к примеру, в «Positive for youth» в качестве целевой группы рассматривается молодежь в возрасте 13–19 лет. В руководстве по работе с молодежью для местных властей верхняя граница также составляет 19 лет, но она может быть увеличена до 24 лет в случае, если молодые люди испытывают образовательные сложности (SGLASAIYPW, 2012). В нормативных документах Уэльса возрастные границы молодежи определяются несколько шире: «сервисы по работе с молодежью доступны всем молодым людям в возрасте от 11 до 25 лет» (The National Youth Work Strategy for Wales 2014–2018, 2014: 6). В Северной Ирландии к молодежи относят всех, кто находится в возрастном диапазоне от 4 до 25 лет.

Юношеские годы рассматриваются как «комплексный транзитивный период постоянных изменений, так как молодые люди взрослеют, растут и развиваются» (Positive for Youth, 2011: 7). Во всех программных документах подчеркивается, что молодые люди уникальны и обладают разными жизненными шансами:

Несмотря на то что у них [у молодежи] много общих ценностей, убеждений и [разделяемого] опыта, нет такой категории, как типичный подросток. На жизнь молодых людей влияют разные социальные, культурные и экономические обстоятельства и их личный выбор. (Positive for Youth, 2011: 4)

В официальных документах, посвященных молодежной работе, активно используется риторика наделения правом. Основные лейтмотивы такой риторики: равный доступ, предоставление возможностей, значимость самовыражения и выбора:

Практика молодежной работы ориентирована на партисипаторный метод, который поощряет и позволяет молодым людям разделить ответственность и стать равными партнерами в процессах обучения и принятия решений. (The National Youth Work Strategy for Wales 2014–2018, 2014: 6)

Интересно, что заявленные практики соучастия реализуются и в самих нормативных документах. Так, к примеру, в «Positive for Youth» подчеркивается коллaborативный процесс создания текста, артикулируется ориентация на те проблемы, которые выделила сама молодежь в процессе обсуждения проекта документа (на саммитах, в личных интервью и т. д.).

Цель молодежной политики стран Великобритании видится составителям программы в обеспечении успешной транзиции молодежи во взрослость. Такая цель может осуществляться через:

1. «Поддерживающее» отношение к молодежи. Это одна из основополагающих категорий программы «Positive for Youth» в Англии. В программе подчеркивается значимость позитивного отношения к молодежи со стороны родителей и других агентов молодежной политики, а также таких отношений, которые могут помочь молодым людям «развивать свои ценности и суждения, учиться на опыте, брать на себя ответственность и управлять давлением» (Positive for Youth, 2011: 12).

2. Создание условий для безопасной и активной жизни «здесь и сейчас»: «Все молодые люди заслуживают того, чтобы им был доступен целый ряд занятий, которые поддерживают их потребности в развитии, через предоставление им безопасного места для отдыха и веселья» (National Youth Work Strategy for Wales 2014–2018, 2014: 6). В программе отмечается, что «большинство молодых людей успешно осуществляют транзицию во взрослость благодаря поддерживающим семьям; хорошим школам, колледжам и учебным заведениям (Positive for Youth, 2011: 9). Молодежная работа в том числе должна быть сосредоточена на «ранней помощи» молодежи, направленной на предотвращение попадания в сложные жизненные ситуации.

3. Развитие потенциала молодежи, повышение ее жизненных шансов. Задача молодежной политики заключается в том, чтобы молодой человек достиг максимально возможного потенциала.

Несмотря на общую риторику наделения правом, в нормативных документах Великобритании встречается риторика опасности, в частности проблематизируются: употребление молодежью алкоголя и наркотиков, ранние беременности, компьютерные игры, материализм, отсутствие у части молодежи ориентации на социальную включенность.

Отличительной особенностью молодежной политики Англии является репрезентация медиа как источника опасности, а также значимого агента влияния на молодежь:

Образы молодых людей, представленные в средствах массовой информации и продвигаемые общественностью, могут оказать значительное влияние на жизнь некоторых молодых людей — как напрямую, так и через свое влияние на отношение к ним взрослых. (Positive for Youth, 2011: 5)

Медиа в «Positive for Youth» рассматриваются как угроза для ментального и физического здоровья молодежи («могут подорвать самооценку и даже привести к серьезным проблемам со здоровьем») через трансляцию «идеальных» образов моделей и знаменитостей, а также репрезентацию молодежи как источника проблемы:

Негативные образы, которые представляют молодых людей как проблему, могут подорвать самооценку молодых людей, а также их уверенность в своем законном и уважаемом месте в обществе и возвращают у взрослых и дру-

гих молодых людей необоснованное чувство недоверия. (Positive for Youth, 2011: 5)

Желаемый образ страны в будущем конструируется в нормативных документах Великобритании как «вариативное общество», «общество равных возможностей и доступа». Молодежная работа в целом рассматривается как сфера, помогающая в построении эгалитаристского общества:

Молодежная работа играет значимую роль в поддержании Правительства Уэльса в стремлении помочь каждому в раскрытии своего потенциала, а также в решении проблем бедности, сокращении неравенства, повышении уровня образования и занятости, улучшении экономического и социального благополучия, устраниении неравенства в отношении здоровья и других неравенств и повышении участия молодежи в жизни общества. (National Youth Work Strategy for Wales 2014–2018, 2014: 5)

Отличительная черта документа «Positive for Youth» заключается в том, что в нем детально разработан образ *национального воображаемого*, представленного в виде «позитивного» и «молодежецентричного» общества, «в котором молодежь будет наслаждаться своими подростковыми годами и осуществит успешную транзицию во взрослость» (Positive for Youth, 2011).

В основании такого взгляда лежат три идеи: «сильные амбиции», «хорошие возможности», «поддерживающие отношения». В документе подчеркивается значимость молодежного участия в общественной жизни, которое может проявляться в том числе в возможности выразить свое мнение и влиять на то, какие решения принимаются в обществе. Помимо этого, отмечается, что молодежь «должна достичь своего полного потенциала» в образовании, личном и социальном развитии. Основная ответственность за то, чтобы молодежь обладала возможностями для развития своего потенциала, ложится на родителей, а также на государство, профильных специалистов, НКО и другие партнерские организации.

В нормативных документах Англии не встречается категория «патриотизм», однако внимание уделяется необходимости развития у молодежи «сильного чувства принадлежности», которое конструируется как одна из ключевых характеристик «здорового общества». Его формирование происходит, согласно программным документам, через участие в спортивных и художественных клубах, религиозных организациях, в социальном предпринимательстве, экоактивизме, а также волонтерстве: «Волонтерство представляет особую ценность, потому что оно добровольно предоставляется молодым человеком и помогает укрепить доверие в обществе» (Positive for Youth, 2011: 12).

В нормативных документах Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии нет четкой ориентации на развитие чувства принадлежности, однако волонтерство также рассматривается как ключевая и необходимая практика молодежного участия.

стия в жизни комьюнити: «Волонтерство приносит пользу для человека и комьюнити в целом, а также помогает развивать большую социальную сплоченность» (National Youth Work Strategy 2014–2019: 18).

Следует отметить, что одной из черт документа «Positive for Youth» является ориентация на формирование чувства принадлежности через участие молодежи в кадетских и других «униформенных организациях» (uniformed organizations), включенных в «Национальную службу для граждан» (National Citizen Service). В частности, рассматривается возможность расширения кадетских центров на базе школ.

Анализ программных документов показывает, что, несмотря на отсутствие общей стратегии по работе с молодежью в Великобритании, направления молодежной политики в Англии, Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии в целом схожи. В программных документах доминирует риторика *наделения правом*. Основные лейтмотивы такой риторики: *равный доступ, предоставление возможностей, самовыражение и выбор, развитие потенциала*. Помимо этого, в текстах встречается риторика опасности, в частности проблематизируются: раннее родительство, употребление алкоголя и наркотиков, компьютерные игры. В программных документах Англии риторика опасности используется также в отношении средств массовой информации и социальных сетей.

Локальная специфика Великобритании заключается в конструировании «молодежецентричного» образа общества будущего через поддержание «партнерских отношений» с молодежью, ориентацию на амбиции молодых людей и обеспечение «возможностей» для реализации потенциала каждого.

Дискурс молодежной политики России: традиционные ценности, патриотизм, воспитание

Основными документами, определяющими молодежную политику в России, являются Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» (2020), «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2014), «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (2015), Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (2021), сменивший действовавшие ранее пятилетние государственные программы с таким же названием. Осуществлением молодежной политики занимается Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь).

В 2020 году термин «молодежная политика» был включен в текст Конституции России вместе с другими поправками, инициированными российским президентом. Согласно новой редакции статьи 72 Конституции, молодежная политика находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

К молодежи в России до конца 2020 года официально относились граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет, однако новый Федеральный за-

кон «О молодежной политике» от 30 декабря 2020 года поднял верхнюю возрастную планку молодежи до 35 лет (Федеральный закон, 2020б). При этом молодежь конструируется не только как возрастная группа, но и как группа, обладающая определенным ценностным «профилем»: «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями» (Правительство РФ, 2014). Молодежь также концептуализируется как «наиболее восприимчивая и мобильная часть социума» (Правительство РФ, 2014), которая создает и поддерживает социально-экономические изменения в обществе, и определяется как «стратегическое преимущество» и основной носитель «инновационного потенциала развития» страны (Правительство РФ, 2014). Молодежная политика определяется следующим образом:

Комплекс мер... направленных на создание условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации. (Федеральный закон, 2020б)

Национальное воображаемое в российском нормативном дискурсе, реконструируемое из целей, задач и предполагаемых результатов молодежной политики, — сильная и независимая Россия. В частности, официальный дискурс молодежной политики определяет в качестве одного из ее результатов «устойчивый рост числа молодых людей, мотивированных на позитивные действия, разделяющих общечеловеческие и национальные духовные ценности, обладающих хорошим физическим здоровьем, занимающихся физической культурой и спортом, не имеющих вредных привычек, работающих над своим личностным и профессиональным развитием, любящих свое Отечество и готовых защищать его интересы, прилагающих усилия для динамичного развития сильной и независимой Российской Федерации» (Правительство РФ, 2014).

Режимы молодежного участия, декларируемые в документах, не включают в себя повседневные режимы, которые связаны с поддержкой включения в образовательную систему и продолжения образования или поддержкой молодежи, которая выходит на рынок труда. Единственный декларируемый повседневный режим участия — это «вовлечение молодежи в творческую деятельность» (Правительство РФ, 2014).

В российском нормативном дискурсе отсутствует риторика об участии как формате увеличения влияния молодежи в обществе в той сфере, в которой она заинтересована. В законе о молодежной политике все сводится к участию в деятельности совещательных органов, созданных при органах государственной власти и органах местного самоуправления; организаций, проведению и участию в раз-

личных форумах; проведению исследований по вопросам молодежной политики; подготовке и реализации молодежных инициатив, созданию молодежных общественных объединений, формированию органов молодежного самоуправления при органах государственной власти и органах местного самоуправления (Федеральный закон, 2020б).

Главным тематическим фокусом «вовлечения» молодежи является патриотическая и милитаристская активность: «вовлечение молодежи в реализацию программ по сохранению российской культуры, исторического наследия народов страны и традиционных ремесел», «вовлечение молодежи в активную работу поисковых, археологических, военно-исторических, краеведческих, студенческих отрядов и молодежных объединений» (Правительство РФ, 2014).

В российском дискурсе молодежной политики доминирующим мотивом обращения к гражданственности и гражданскому является особая идентичность, тесно связанная с патриотизмом и локальной принадлежностью: «обеспечение российской гражданской идентичности, непрерывности воспитательного процесса, направленного на формирование российского патриотического сознания в сложных условиях экономического и геополитического соперничества» (Правительство РФ, 2015а). Формы же гражданского и социального участия конструируются в качестве «воспитания»: «гражданско-патриотического», «военно-патриотического», «духовно-нравственного», «спортивно-патриотического».

Патриотическое воспитание молодежи рассматривается государством как одна из приоритетных сфер молодежной политики России. На протяжении последних двух десятилетий каждые пять лет разрабатывалась и утверждалась новая государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» с акцентом на «сохранение непрерывности процесса по дальнейшему формированию патриотического сознания российских граждан как одного из факторов единения нации» (Правительство РФ, 2010). Дети и молодежь рассматриваются в этих программах в качестве ключевых групп (объектов) воспитания.

В Программе патриотического воспитания 2011–2015 гг. ее цель сформулирована максимально абстрактно: «дальнейшее развитие и совершенствование системы патриотического воспитания граждан», причем термин «патриотическое воспитание» не определен (Правительство РФ, 2010). Национальное воображаемое конструируется через героизацию военного прошлого: акцентируются «славные события истории страны» и «бессмертные подвиги народа» (в частности, «подвиги советских воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»).

Работа по «воспитанию чувства гордости за боевое прошлое Отечества» осуществляется через участие молодежи в проектах, конкурсах и смотрах. Значимая роль отводится военно-патриотическим центрам, музеям, творческим организациям, средствам массовой информации. Интересно, что одна из проблематизируемых конструкций также связана с героическим прошлым, а именно с «фальсификацией событий Великой Отечественной войны».

В программе патриотического воспитания на 2016–2020 годы появилось определение такого воспитания:

...систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. (Правительство РФ, 2015а)

Патриотизм в программе 2016–2020 годов милитаризируется, подчеркивается значимость кадетских школ и корпусов, военно-патриотических организаций, особое внимание уделяется «обеспечению формирования у молодежи морально-психологической и физической готовности к защите Отечества, верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой гражданской ответственности», в том числе через «формирование системы непрерывного военно-патриотического воспитания детей и молодежи» (Правительство РФ, 2015а).

Помимо военно-патриотического воспитания в программе 2016–2020 годов выделяются такие направления молодежной политики, как гражданско-патриотическое и спортивно-патриотическое воспитание. В качестве одного из ключевых («эффективных») инструментов гражданско-патриотического воспитания определяется волонтерство. Спортивно-патриотическое воспитание, согласно программе 2016–2020, реализуется через спортивные организации и секции, а также через возрождение советской системы физкультурной подготовки «Готов к труду и обороне» (ГТО), обеспечивающей абитуриентам дополнительные баллы при поступлении в вузы.

В 2020 году в Конституцию России в числе поправок, внесенных по инициативе Президента России, была включена новая статья, содержащая конструкцию «воспитание патриотизма». Еще одна поправка включала в себя понятие волонтерства: Правительство Российской Федерации «осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности». Одновременно с поправками в Конституцию Президент России инициировал внесение изменений в Федеральный закон «Об образовании», предполагающих переопределение понятия воспитания. В содержание воспитания было включено «формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества» (Федеральный закон, 2020а).

В дискурсе российской молодежной политики *проблематизация* не имеет отчетливо выраженного характера. К «негативным социальным явлениям» отнесены экстремизм, национализм, ксенофобия, коррупция, дискrimинация по социальным, религиозным, расовым, национальным признакам (Правительство РФ, 2015б). В «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» используется понятие «проблемный фактор». Этот термин

употребляется в единственном числе, причем проблематизируется не та или иная трудность молодежи, а «деструктивное информационное воздействие» на нее, но не уточняется, кто воздействует и каким образом:

Проблемным фактором является деструктивное информационное воздействие на молодежь, следствием которого в условиях социального расслоения, как показывает опыт других стран, могут стать повышенная агрессивность в молодежной среде, национальная и религиозная нетерпимость, а также социальное напряжение в обществе (Правительство РФ, 2014).

В числе проблематизируемых явлений нет буллинга и насилия в школах и учебных заведениях.

Лейтмотивами дискурса российской молодежной политики являются воспитание, патриотизм и традиционные ценности (в некоторых случаях — «традиционные духовно-нравственные ценности» и «традиционные семейные ценности»; о лейтмотиве традиционных ценностей см.: Ясавеев, 2016). Эти лейтмотивы используются во всех текстах молодежной политики, в некоторых из них десятки раз.

Лейтмотив воспитания, сквозной для текстов российской молодежной политики, и акцент на образовании и просвещении молодежи (различных просветительских программах) свидетельствуют о доминировании в дискурсе *риторики неразумности*. Молодежь, таким образом, представляется как нуждающаяся в воспитании и просвещении. Функция «воспитания» молодежи, неоднократно возникающая в нормативных документах последних десяти лет, демонстрирует объективированный статус молодежи как объекта, а не субъекта молодежной политики.

Заключение: сходства и различия европейских и российского дискурсов молодежных политик

Несмотря на принципиальные различия дискурсов молодежных политик в европейских странах и России, можно выделить несколько сходств. Анализ программных документов показал, что в молодежных политиках Великобритании и России есть ряд общих проблематизируемых конструкций. Так, предметами превентивных мер являются экстремизм, употребление алкоголя и наркотических веществ, криминальная активность молодежи. Однако если в документах Великобритании медиа конструируются как угроза — источник опасности для молодежи, то в российском контексте средства массовой информации рассматриваются как ресурс для продвижения патриотического воспитания молодежи.

Кроме того, в дискурсах молодежной политики Великобритании и России присутствуют милитаристские лейтмотивы, государства рассматривают «униформенные»/военно-патриотические организации как значимый ресурс для форми-

рования чувства патриотизма/принадлежности молодежи к комьюнити и стране в целом. Но если в Великобритании молодежное участие в кадетских организациях позиционируется как один из многих путей участия в жизни общества (наравне с социальным предпринимательством, волонтерством, экоактивизмом), то в российских нормативных документах военно-патриотическое воспитание предстает в качестве основного инструмента формирования «патриотического сознания». Молодежные политики европейских стран и России сходятся также в идее значимости участия молодых людей в волонтерских проектах и организациях.

Однако различий значительно больше, чем сходств. В нормативном дискурсе европейских молодежных политик (Финляндии, Германии и Великобритании) доминирует риторика наделения правом, в то время как российский дискурс отличает терминология риторики неразумности. Лейтмотивами в европейских дискурсах молодежных политик являются права, равные возможности и равный доступ, независимость, взросление, устойчивое развитие, участие и гражданственность. В российском нормативном дискурсе основные лейтмотивы: традиционные ценности, воспитание и патриотизм.

Существуют значимые различия в конструировании цели и задач молодежной политики — если в рассмотренных европейских странах конечной целью молодежной политики и молодости как жизненного этапа является обретение автономии и независимости, то в российском нормативном дискурсе основной целью молодежной политики оказывается мобилизация молодежи и тех ресурсов, которыми она обладает, в пользу государственного благополучия. Задачи российской молодежной политики по «воспитанию патриотично настроенной молодежи» значительно расходятся с европейской риторикой глобальности молодежного вопроса и молодежной политики, которые сложно формировать исключительно на локальном уровне. В отличие от европейской риторики о кооперации стран — участниц Евросоюза, обмене опытом и поддержке молодежи на едином европейском пространстве, российский дискурс представляет молодежь как ресурс, но не для самой молодежи, а для государства, ресурс, который при эффективном использовании создает «стратегические преимущества» России на мировой арене.

Еще одно различие касается типизации молодежи. Молодежь в европейских дискурсах определяется как гетерогенная, отличающаяся значительным разнообразием группы. Европейский дискурс включает в себя отчетливо сформулированный отказ от типизации молодежи, тогда как в российском дискурсе молодежь представляется гомогенной категорией.

В нормативных документах молодежной политики рассмотренных европейских стран транзиция во взрослость определяется в качестве ключевого процесса молодости как жизненного этапа и опыта молодежи как возрастной группы, которая может выбирать разнообразные траектории взросления, но сталкивается со схожими затруднениями и проблемами. Молодежные политики европейских стран выстраивают программы поддержки, ориентируясь в первую очередь на основные этапы транзиции — переход от образования к занятости, от прожива-

ния в родительской семье к независимому проживанию, партнерству или появлению собственной семьи. В отличие от активной поддержки молодежи в период взросления в европейских странах, российская молодежная политика игнорирует в нормативных документах важность транзиции во взрослость и независимость. Отсутствие идей поддержки молодежи на пути к независимости и автономии необходимыми сервисами и услугами замещается риторикой «воспитания».

Таким образом, дискурс европейских молодежных политик с его акцентом на правах и возможностях «молодежецентричен», ориентирован на развитие и поддержку молодых людей, тогда как риторика российской молодежной политики является «государствоцентричной», ориентированной на развитие страны, в том виде, в каком его понимают государственные органы власти.

Одной из перспектив дальнейшего изучения дискурсов молодежной политики может быть, на наш взгляд, исследование влияния на риторику молодежной политики такого феномена, как стрельба в школах и других учебных заведениях. Можно сформулировать вопрос, какие изменения в официальном дискурсе молодежной политики в России вызовут трагические случаи стрельбы в Керченском политехническом колледже в 2018 году и в казанской гимназии № 175 в 2021 году и каким образом это будет соотноситься с милитаризованными конструктами воспитания и патриотизма?

Выражение признательности

Авторы признательны участникам исследовательского проекта «Антикризисный потенциал молодежных политик в России и Европе в эпоху глобальных рисков: национальное воображаемое, патриотизм и социальная вовлеченность», сотрудникам Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) Елене Омельченко, Юлии Епановой, Евгении Кузинер, Ирине Лисовской, Наде Нартовой, Дмитрию Омельченко, Святославу Полякову за поддержку, дискуссии и ценные замечания, касающиеся содержания статьи.

Литература

- Андрюшина Е. В., Панова Е. А. (2017). Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики // Власть. Т. 25. № 7. С. 60–65.
- Ибарра П., Китсьюз Дж. (2007). Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанского ун-та. С. 55–114.
- Смирнов В. А. (2014). Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. № 3. С. 72–80.
- Омельченко Е. Л. (2012). Как научить любить Родину? Дискурсивные практики патриотического воспитания молодежи // Омельченко Е., Пилкингтон Х. (ред.).

- С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма. Ульяновск: Ульяновский государственный университет. С. 261–310.
- Правительство РФ (2010). Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 гг. URL: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (дата доступа: 22.12.2020)
- Правительство РФ (2014). Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата доступа: 22.12.2020)
- Правительство РФ (2015а). Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы. URL: <http://government.ru/docs/21341> (дата доступа: 22.12.2020)
- Правительство РФ (2015б). Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Российская газета. 8 июня. URL: <http://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата доступа: 22.12.2020)
- Росмолодежь (2015). Приказ Росмолодежи № 42 от 2 апреля 2015 [Основные направления деятельности Федерального агентства по делам молодежи]. URL: https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/c8f851bb292e99d253f6833ea62_zacsb.pdf (дата доступа: 22.12.2020)
- Федеральный закон (2020а). № 304-ФЗ от 31.07.2020 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788> (дата доступа: 22.12.2020)
- Федеральный закон (2020б). № 489-ФЗ от 30.12.2020 «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата доступа: 01.03.2021)
- Ярская В. Н., Ловцова Н. И. (2010). Молодежная политика: разные и пока не равные // Журнал исследований социальной политики. Т. 8. № 2. С. 151–164.
- Ясавеев И. Г. (2016). Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи // Социологическое обозрение. Т. 15. № 3. С. 49–67.
- BMFSFJ (2020). Children and Youth. Federal Ministry for Family Affairs, Senior Citizens, Women and Youth. URL: <https://www.bmfsfj.de/bmfsfj/meta/en/youth> (дата доступа: 22.12.2020).
- BMFSFJ (2015). Youth Strategy 2015–2018. URL: <https://archiv.jugendgerecht.de/ueberuns/jugendstrategie-2015-2018/> (дата доступа: 22.12.2020).
- BMFSFJ (2019). Youth Strategy. URL: <https://www.bmfsfj.de/bmfsfj/themen/kinder-und-jugend/jugendbildung/jugendstrategie/jugendstrategie/jugendstrategie-der-bundesregierung/77406> (дата доступа: 22.12.2020).
- Brunila K., Ikävalko E., Kurki T., Mertanen K., Mikkola A. (2016). Revisiting the Vulnerability Ethos in Cross-Sectoral Transition Policies and Practices for Young People in the Era of Marketisation of Education // Research in Comparative and International Education. Vol. 11. № 1. P. 69–79.

- Child and Youth Policy Programme (2012–2015). URL: https://www.youthpolicy.org/national/Finland_2012_Child_Youth_Programme.pdf (дата доступа: 10.12.2020).
- Council of Europe (2015). Background Information on German Youth Policy. URL: https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/47262196/Country+Sheet_Germany_2015.pdf/583a99a4-229f-4c49-91b8-b4fba19d8f34 (дата доступа: 22.12.2020).
- Finland Prime Minister's Office (2013). What Will the EU Become When It Grows Up? Young People's Visions on the Future of the European Union. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/79453/Jo413_EU-nuoret_enkku.pdf (дата доступа: 10.12.2020).
- Miller L. J. (2003). Claims-Making from the Underside: Marginalization and Social Problems Analysis // Holstein J., Miller G. (eds.). Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems. N.Y.: Aldine de Gruyter. P. 92–119.
- Moore A., Prescott P. (2013). Absent but Present: A Critical Analysis of the Representation of Sexuality in Recent Youth Policy in the UK // Journal of Youth Studies. Vol. 16. № 2. P. 191–205.
- National Youth Work and Youth Policy Programme 2017–2019 (2017). URL: <https://min-edu.fi/en/-/valtakunnallinen-nuorisotyon-ja-politiikan-ohjelma-hyvaksyty> (дата доступа: 10.12.2020).
- National Youth Work Strategy 2014–2019 (2014). URL: <https://www.youthlinkscotland.org/policy/national-youth-work-strategy/> (дата доступа: 14.12.2020).
- National Youth Work Strategy for Wales 2014–2018 (2014). URL: <https://dera.ioe.ac.uk/19353/1/140221-national-youth-work-strategy-en.pdf> (дата доступа: 14.12.2020).
- Positive for Youth. A new approach to cross-government policy for young people aged 13 to 19 (2011). URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/175496/DFE-00133-2011.pdf (дата доступа: 14.12.2020).
- Positive for Youth: Executive Summary (2012) URL: <https://www.gov.uk/government/publications/positive-for-youth-executive-summary#:~:text=Positive%20for%20Youth%20is%20a,of%20at%20least%20in%20nine%20departments> (дата доступа: 11.12.2020).
- SGB (1990). Social Code (SGB), Eighth book (VIII): Child and Youth Welfare (Germany).
- Wallace C., Bendit, R. (2009). Youth Policies in Europe: Towards a Classification of Different Tendencies in Youth Policies in the European Union // Perspectives on European Politics and Society. Vol. 10. № 3. P. 441–458.
- Youth Act 2006–2016 (2006). URL: https://www.youthpolicy.org/national/Finland_2006_Youth_Act.pdf (дата доступа: 10.12.2020).
- Youth Act 2017–2027 (2017). URL: <https://minedu.fi/documents/1410845/4276311/Youth+Act+2017/c9416321-15d7-4a32-b29a-314ce961bfo6>Youth+Act+2017.pdf> (дата доступа: 10.12.2020).

The State for Youth or Youth for the State: Discourses of Youth Policy in the EU and Russia

Alina Maiboroda

Junior Research Fellow, Center for Youth Studies, HSE University in Saint Petersburg
Address: Soyuza Pechatnikov str., 16, Saint Petersburg, Russian Federation 190121
E-mail: avmaiboroda@gmail.com

Anastasia Sablina

Visiting Lecturer, Department of Sociology, HSE University in Saint Petersburg
Address: Soyuza Pechatnikov Str., 16, Saint Petersburg, Russian Federation 190121
E-mail: aasablina@gmail.com

Iskender Yasaveev

Senior Research Fellow, Center for Youth Studies, HSE University in Saint Petersburg
Address: Soyuza Pechatnikov str., 16, Saint Petersburg, Russian Federation 190121
E-mail: yasaveyev@gmail.com

The article is focused on youth politics in the UK, Germany, Finland, and Russia. Based on a constructionist approach, we analyze the rhetoric of youth policy, subjects of problematization, as well as the image of the country and youth of the future presented in the documents. The empirical base of the article is 21 youth-policy documents (laws, state programs, and youth strategies) of Finland, Germany, United Kingdom, and Russia. The analysis of normative documents showed that the discourse of youth policies in the European Union is dominated by the rhetoric of entitlement, and the motifs are equality of opportunity and access, rights, independence, empowerment, sustainable development of society, participation, and citizenship. The discourse of Russian youth policy is distinguished by the rhetoric idiom of 'unreason'. The main motifs of the rhetoric are traditional values, education, and patriotism. European youth-policies, which emphasize rights and opportunities of youth, are oriented toward the development and support of young people, while the Russian youth policy is "state-centric", oriented to the development of the country.

Keywords: youth policy, youth, political authorities, rhetoric, discourse, constructionism, patriotism, traditionalism

References

- Andryushina E., Panova E. (2017) Sovremennaya rossiyskaya gosudarstvennaya molodezhnaya politika: evolyutsiya, osnovnye napravleniya, praktiki [The Modern Russian State Youth Policy: Evolution, Main Directions, and Practice]. *Vlast*, vol. 25, no 7, pp. 60–65.
- Brunila K., Ikävalko E., Kurki T., Mertanen K., Mikkola A. (2016) Revisiting the Vulnerability Ethos in Cross-Sectoral Transition Policies and Practices for Young People in the Era of Marketisation of Education. *Research in Comparative and International Education*, vol. 11, no 1, pp. 69–79.
- BMFSFJ (2020) Children and Youth. Federal Ministry for Family Affairs, Senior Citizens, Women and Youth. Available at: <https://www.bmfsfj.de/bmfsfj/meta/en/youth> (accessed 22 December 2020).
- BMFSFJ (2015) Youth Strategy 2015–2018. Available at: <https://archiv.jugendgerecht.de/ueber-uns/jugendstrategie-2015-2018/> (accessed 22 December 2020).
- BMFSFJ (2019) Youth Strategy. Available at: <https://www.bmfsfj.de/bmfsfj/themen/kinder-und-jugend/jugendbildung/jugendstrategie/jugendstrategie/jugendstrategie-der-bundesregierung/77406> (accessed 22 December 2020).
- Child and Youth Policy Programme (2012–2015) Available at: https://www.youthpolicy.org/national/Finland_2012_Child_Youth_Programme.pdf (accessed 10 December 2020).

- Council of Europe (2015) Background information on German youth policy. Available at: https://ppj-eu.coe.int/documents/42128013/47262196/Country+Sheet_Germany_2015.pdf/583a99a4-229f-4c49-91b8-b4fba19d8f34 (accessed 22 December 2020).
- Federal Law (2020a) № 304-FZ on 31 July 2020 "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon 'Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii' po voprosam vospitaniya obuchayushchikhsya" ["On Amendments to the Federal Law 'On Education in the Russian Federation' on the Education of Learners"]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788> (accessed 22 December 2020).
- Federal Law (2020b) № 489-FZ on 30 December 2020 "O molodezhnnoy politike v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law "On Youth Policy in the Russian Federation"]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (accessed 1 March 2021).
- Finland Prime Minister's Office (2013) What Will the EU Become When It Grows Up? Young people's visions on the future of the European Union" (2013). Available at: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/79453/J0413_EU-nuoret_enkku.pdf (accessed 10 December 2020).
- Ibarra P. R., Kitsuse J. I. (2007) Diskurs vydvizhenija utverzhdenij-trebovanij i prostorechnye resursy [Claims-Making Discourse and Vernacular Resources]. *Sotsial'nye problemy: konstruktionistskoe prochtenie* [Social Problems: Constructionist Reading] (ed. I. Yasaveev), Kazan: Kazan University Press, pp. 55–114.
- Miller L. J. (2003) Claims-Making from the Underside: Marginalization and Social Problems Analysis. *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems* (eds. J. A. Holstein, G. Miller), Hawthorne: Aldine de Gruyter, pp. 92–119.
- Moore A., Prescott P. (2013) Absent but Present: A Critical Analysis of the Representation of Sexuality in Recent Youth Policy in the UK. *Journal of Youth Studies*, vol. 16, no 2, pp. 191–205.
- National Youth Work and Youth Policy Programme 2017–2019 (2017). Available at: <https://minedu.fi/en/-/valtakunnallinen-nuorisotyon-ja-politiikan-ohjelma-hyvaksytty> (accessed 10 December 2020).
- National Youth Work Strategy 2014–2019 (2014) Available at: <https://www.youthlinkscotland.org/policy/national-youth-work-strategy/> (accessed 14 December 2020).
- National Youth Work Strategy for Wales 2014–2018 (2014) Available at: <https://dera.ioe.ac.uk/19353/1/140221-national-youth-work-strategy-en.pdf> (accessed 14 December 2020).
- Omelchenko E. (2012) Kak nauchit' lyubit' Rodinu? Diskursivnye praktiki patrioticheskogo vospitaniya molodezhi [How to Learn to Love Homeland? Discursive Practices of Patriotic Raising of Youth]. *S chego nachinaetsya Rodina: molodezh' v labirintakh patriotizma* [Where Homeland Begins: Youth in the Labyrinths of Patriotism] (eds. E. Omelchenko, H. Pilkinson), Ulianovsk: Ulianovsk State University, pp. 261–310.
- Positive for Youth: A New Approach to Cross-Government Policy for Young People Aged 13 to 19 (2011). Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/175496/DFE-00133-2011.pdf (accessed 14 December 2020).
- Positive for Youth: Executive Summary (2012). Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/positive-for-youth-executive-summary#:~:text=Positive%20for%20Youth%20is%20a,of%20at%20least%20one%20department> (accessed 11 December 2020).
- Rosmolodezh (2015) Prikaz Rosmolodezhi № 42 ot 2 aprelya 2015 goda [Decree of Rosmolodezh no. 42 from April 2, 2015]. Available at: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/c8f851bb292e99d253f6833ea623acca.pdf> (accessed 22 December 2020).
- Russian Government (2010) Gosudarstvennaya programma "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2011–2015 gody" [The State Program "Patriotic Education of Russian Citizens 2011–2015"]. Available at: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtml (accessed 22 December 2020).
- Russian Government (2014) Osnovy gosudarstvennoy molodezhnnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [The Foundations of State Youth Policy for the Period to 2025]. Available at: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (accessed 22 December 2020).
- Russian Government (2015) Gosudarstvennaya programma "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016–2020 gody" [The State Program "Patriotic Education of Russian Citizens 2016–2020"]. Available at: <http://government.ru/docs/21341/> (accessed 22 December 2020).

- Russian Government (2015) Strategiya razvitiya vospitaniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [The Strategy of the Development of Education in Russian Federation for the period to 2025]. Rossiyskaya gazeta [Russian Newspaper], no 6693. Available at: <http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (accessed 10 December 2020).
- SGB (1990) Social Code (SGB) — Eighth book (VIII) — Child and youth welfare (Germany).
- Smirnov V. (2014) Molodezhnaya politika: opyt sistemnogo opisaniya [Youth Politics: A System Description]. *Sociological Studies*, no 3, pp. 72–80.
- Wallace C., Bendit, R. (2009) Youth Policies in Europe: Towards a Classification of Different Tendencies in Youth Policies in the European Union. *Perspectives on European Politics and Society*, vol. 10, no 3, pp. 441–458.
- Yarskaya V., Lovtsova N. (2010) Molodezhnaya politika: raznye i poka ne ravnye [Youth Policy: Diverse but not Equal yet]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 8, no 2, pp. 151–164.
- Yasaveev I. (2016) Leytmotivy vlastnoy ritoriki v otnoshenii rossiyskoy molodezhi [Motifs of Government Rhetoric on Youth in Russia]. *Russian Sociological Review*, vol. 15, no 3, pp. 49–67.
- Youth Act 2006–2016 (2006). Available at: https://www.youthpolicy.org/national/Finland_2006_Youth_Act.pdf (accessed 10 December 2020).
- Youth Act 2017–2027 (2017). Available at: <https://minedu.fi/documents/1410845/4276311/Youth+Act+2017/c9416321-15d7-4a32-b29a-314ce961bf06>Youth+Act+2017.pdf> (accessed 10 December 2020).